

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ, РЕФЕРАТЫ

И.А. КЛИМОВ

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АФТЕРШОК: РОССИЙСКИЕ ВЫБОРЫ 2011–2012 ГОДОВ В АНАЛИТИКЕ ПОЛЛСТЕРОВ

Для большинства социальных исследователей, занимающихся эмпирическим изучением российских реалий, всплеск протестной активности в период парламентских и президентских выборов оказался неожиданностью. Социологи признавали, что даже заблаговременно спланированные и грамотно проведенные исследования не помогли предсказать роста уличной протестной активности, притом что удалось отследить изменение политических предпочтений и электоральных намерений россиян (В. Федоров) [2, с. 15]. Несмотря на то, что те события отстоят от нас уже на два года, запрос на понимание трендов, проявившихся в такой неординарной форме, существует и сегодня. Кроме того, важной представляется задача на эмпирических данных провести аккуратный разбор и доказательный анализ «социологических прозрений» относительно «истинных причин и механизмов» электоральных, политических и социальных изменений последнего времени. Без опоры на данные такой разговор превращается в соревнование по изобретению все новых причин и факторов, и «если была названа 21-я “истинная” причина, значит, мы вряд ли нашли действительно истинные и реальные» (И. Задорин) [2, с. 43].

На продвижение по указанным двум направлениям как раз и нацелена книга «От плебисцита — к выборам. Как и почему россияне голосовали на выборах 2011–2012 гг.» [1]. Труд подготовлен командой

Климов Иван Александрович — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института социологии РАН, доцент факультета социологии НИУ ВШЭ. **Адрес:** 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5. **Телефон:** (499) 120-82-57.
Электронная почта: iklimov@hse.ru

аналитиков, включающей сотрудников Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) (Ю.М. Баскакова, С.В. Львов, М.В. Мамонов, В.В. Федоров), а также сотрудников Института социологии РАН, членов Научного совета ВЦИОМ (Л.Г. Бызов, В.В. Петухов). Эмпирическая база — весьма солидная. Во-первых, это уникальный проект — исследование по всероссийской репрезентативной электоральной панели¹. С сентября 2011 г. по март 2012-го по ней были проведены семь замеров (нулевой этап — рекрутирование). Эти данные сопоставлялись с общероссийскими опросами, проводимыми в стандартном еженедельном режиме (на 1600 чел.), с репрезентативными опросами по Москве (1000 чел.), а также с данными самостоятельного проекта — электорального мониторинга в преддверии выборов в Госдуму (репрезентативная общероссийская выборка, 1500 чел.; октябрь 2007 – октябрь 2011 г.). Можно согласиться с В. Федоровым в оценке уникальности данных, собранных благодаря электоральной панели: весь цикл выборов в высшие органы государственной власти оказалось возможным отследить, вглядываясь в динамику оценок, мнений и предпочтений одних и тех же людей (с. 7). Лонгитюдная панель позволяет минимизировать ошибки выборки и описать значимость различных факторов, повлиявших на электоральный выбор респондентов по ходу предвыборных коллизий и баталий.

Монографию открывает установочный текст **Валерия Федорова** «**Политический выбор на сломе эпох**». Тут решается двойная задача. С одной стороны, это предъявление инструментария и базовых параметров «электоральной панели» — задач, исходных гипотез, обоснования метода и т. д. С другой стороны, объясняется уникальность ситуации и важность ретроспективного анализа, поскольку именно в 2011–2012 годах произошел «разворот от плебисцитарной модели голосования в качестве доминирующей к рационально-активистской» (с. 4). Особенно интересно читать задачи и «гипотезы» — то, как они представлялись авторам исследования вначале. В. Федоров проговаривает, что по завершении избирательной кампании эти исходные предположения «могут выглядеть более чем дискуссионно», но все-таки приводит их «без купюр» (с. 12). В этих гипотезах отражаются представления аналитиков не только о значимых для лонгитюдного исследования темах (власть, идеология, мобилизация, социально-психологический фон, идентичность, протестное

¹ Итоговый массив — 1787 чел., 42 региона РФ. Личное интервью с участниками панели по формализованной анкете либо по месту жительства (52%), либо по телефону (48%). Описание проекта см. на с. 10–12, а также на сайте ВЦИОМ (<<http://politpanel.wciom.ru>>). Методологическое описание панели доступно после простой и короткой регистрации.

голосование), но и собственное понимание особенностей политической культуры россиян («Смена власти в России воспринимается населением как катастрофический сценарий», с. 13), особенностей «обыденных теорий» о политике («Одним из основных мотивов голосования российского избирателя является присоединение к большинству — приобретение (сохранение) статуса победителя», с. 14), особенностей электорального поведения, влияния медиа и т. д.

Нужно признать, что такое предъявление исследовательской программы — не только полезный, но и профессиональный шаг, позволяющий читателю увидеть, что планировалось, чего хотелось понять — и что удалось в итоге. Однако, на мой взгляд, в тексте как раз и не хватает разговора об особенностях метода и его влияния на данные², собственной методологической рефлексии относительно полноты и точности реализованных задач, рассуждений о том, что же в исходных гипотезах кажется спорным — в сравнении с нынешним горизонтом опыта. Этого немного жаль, ведь предъявлению содержательных результатов посвящены все остальные разделы книги, а вот задача «установочного» текста как раз и состоит в том, чтобы показать уровень рефлексии и накопленного опыта, привлечь внимание к уникальному — и в плане методологии, и в плане организации — проекту, продемонстрировать инструмент и технологию. И, разумеется, команду.

В следующем тексте — Леонтия Бызова «Идейные и ценностные аспекты политической борьбы в избирательном цикле 2011–2012 гг.» — рассматривается природа «элитного и идеологического баланса», достигнутого В. Путиным в предыдущие годы, и трансформация «консолидаторской политики» после меж- и пост-выборных событий. Анализ касается целого ряда сюжетов: влияние на выборы идеологических и политических противоречий, существующих в российском обществе; природа «путинского консенсуса» и «идеологического синкретизма» россиян; попытка очертить контуры идейно-политической сегментации общества и проанализировать серьезность ценностного и идеологического раскола и т. д. Наиболее интересным, на мой взгляд, являются разделы, посвященные типологии идейно-политических групп, присутствовавших с разной долей активности в избирательной кампании 2011–2012 годов (с. 58 и далее). Типология строится на комбинации двух параметров: представление респондентов о роли государства в экономике и политике («социал-консерваторы» vs «либералы»), их лояльность или нелояльность

² Например, происходила ли адаптация анкеты и способов задавания вопросов для телефонного интервью, применявшегося на части выборки; насколько сопоставимы данные, собранные в разных техниках?

существующему политическому режиму (оценка курса, которым идет страна, как «правильного» или «неправильного»; с. 59). В результате выделяются четыре типологических группы:

- протестные социал-консерваторы — 21%;
- лояльные социал-консерваторы — 47%;
- лояльные либералы — 15%;
- протестные либералы — 8% (с. 59).

Затем следует подробный анализ социально-демографических характеристик каждой из групп, уровня и характера протестных настроений, а также — социальной и географической «локализации» каждой из них. Любопытно, что согласно анализу протестные настроения затронули не только столицы, но также и крупные города с населением от 500 тыс. жителей. Однако протестная тональность в них иная — консервативная (34%), а протестных либералов — около 10%. В столицах соотношение выглядит иным — 22 против 50% соответственно (с. 61).

Закономерен и анализ политических ценностей и предпочтений выделенных групп респондентов. Однако ожидаемая тут «поляризация» оказывается не столь очевидной. Л. Бызов пишет: «Консервативная часть общества ориентирована скорее на стабильность (60% протестных консерваторов и 68% лояльных). Либеральная часть спектра в этом отношении поделена примерно напополам — за стабильность выступают 52% лояльных либералов и 46% — протестных» (с. 65). Иными словами, значимость различий оказывается не очень-то существенной. Кроме того, далее автор приходит к выводу, что «несмотря на кажущуюся идеологическую полярность консерваторов и либералов, сохраняется широкая политическая и идеологическая “поляна”, которая их продолжает объединять» (с. 73). Получается, что отличия, проявленные благодаря нюансированным вопросам об идеологических предпочтениях, не являются безусловным основанием для «поляризации». А это несколько не стыкуется с выводами о поляризации и консолидации консерваторов вокруг власти (с. 85).

В целом аналитика в данном разделе оказывается более политологической, нежели социологической, то есть проверяемой и подкрепленной определенными аналитическими приемами и моделями. Например, на с. 96–97 говорится о том, что если либеральные противники сегодняшнего режима «в декабре были в авангарде протестного движения, собирая вокруг себя огромное количество протестных масс, то уже к марту они утратили инициативу и все в большей степени замкнулись в собственной среде». Различить такой тренд социологическими методами довольно трудно, хотя для политанализа, вероятно, это возможно. Видимо, текст оказался бы убедительнее, если бы в нем удалось развести политологический и собственно социологический

анализ. Это позволило бы избежать необходимости «переключать регистры» восприятия у читателя: как различить, что подтверждено опросными данными, а что еще остается гипотетическим. Более наглядный пример такого «сбоя оптики» касается вывода об относительно низком результате «Единой России» на парламентских выборах: он «имел причиной не столько разочарование части ее прежних сторонников в политике властей, сколько массированную кампанию информационного давления со стороны значительной части СМИ и рунета, вызванную конкретной политической ситуацией конца 2011 г.» (с. 90). Вместе с тем, говоря буквально, в предшествующем изложении нет ничего, что свидетельствовало бы о давлении со стороны СМИ и информационной кампании. Кажется, что это очевидно из анализа электоральных предпочтений, как они изменились ко дню голосования. Однако очевидность бывает обманчивой, и она стоит того, чтобы ее доказывать или же опровергать (тут я воспользуюсь ссылкой к П. Лазарсфельду, упомянутому авторами исследования).

Очень интересный фрагмент «электоральной панели» — использование методики «семантического балкона» (в терминах авторов) для анализа идейной поляризации типологических групп панелистов (с. 72–75). Людям предлагалось из 36 понятий выбрать до десяти одобряемых и неодобряемых. По результатам делается вывод, что сторонники либеральной и консервативных «программ» или «идеологий» имеют больше того, что их объединяет, нежели того, что их делает непримиримыми. Данный вывод довольно важен, и его хорошо было бы проверить не только частотным распределением ответов, а, например, факторным анализом семантического пространства идеологем³. Это позволило бы и оценить равномерность «покрытия» семантическими метками всей палитры идеологем; и выделить их устойчивые «кусты»; и определить приверженность либералов и консерваторов разной степени протестности тем или иным комбинациям признаков, выделенным по факторному анализу.

Текст **Михаила Мамонова «Выборы 2011–2012 гг.: победители и побежденные»** — это полноценный аналитический доклад, насыщенный социологической фактурой, таблицами, динамическими рядами. Логически он состоит из двух частей — анализа динамики мнений и электоральных намерений панелистов в отношении парламентских выборов, а затем, по той же схеме, — выборов президента. Тематически оба раздела фокусируются на распознавании

³ Такое пожелание можно отнести и к некоторым другим текстам, где приводятся большие списки слов-понятий, качеств власти, качеств В. Путина и т. д. Напрашивается процедура факторизации этих списков, чтобы не сравнивать понятия между собой по одному (с. 196–199, 217).

политико-идеологических маркеров «конкурсантов», идентификация их интересов как согласующихся или расходящихся с собственными интересами, электоральная мобилизация, мотивация голосования, политические ожидания, социальное самочувствие, динамика отношения к властям, результативность информационной кампании. Связывает обе части сквозной аналитический прием: все панелисты типологизируются по пяти «моделям электорального выбора» (с. 112–115, 117). Эти модели выделяются по степени устойчивости электорального выбора (менялся или не менялся объект пристрастий во время участия в панели), по тому, как люди определяют или проясняют для себя объект своих политпредпочтений и итогового электорального действия:

- *модель устойчивого голосования*: высшая степень определенности вне зависимости от конкретной партии или кандидата (31,5%);
- *модель плебисцитарного выбора*: объект определен, но есть некоторая неустойчивость выбора электорального действия (27,2%);
- *модель фокусированного выбора*: выбор между двумя определенными объектами при устойчивой готовности участвовать в голосовании (30,1%);
- *модель случайного выбора*: колебания между множеством партий или кандидатов при устойчивой готовности голосовать (7,9%);
- *модель политической дезадаптации*: не видят ни одного приемлемого объекта, а потому либо не идут на выборы, либо настроены против всех, либо затрудняются относительно планов участия (3,3%).

Дальнейшая логика анализа строится в основном вокруг отличий в мотивации, установках и реальном поведении представителей каждого типа до и после выборов. Без сомнения, это очень эвристичный подход, который позволяет увидеть дополнительные параметры и нюансы в механизмах формирования электорального выбора. В частности, сделано наблюдение, что именно группы «случайного выбора» и «фокусированного выбора» продемонстрировали наиболее высокую мобилизованность — две трети от числа каждой пришли на участки голосовать (с. 127), тогда как в других группах мобилизованность и явка оказались заметно ниже.

Вместе с тем, в некоторых сюжетах логика анализа оказывается не до конца последовательной. Автор пишет: «Непросто объяснить такие феномены, как колебания одних и тех же респондентов между КППФ и “Правым делом” или же между КППФ и “Яблоком”. А вопрос об осознанности выбора респондентов, четырежды за три месяца

изучения менявших свой партийный выбор, даже смешно обсуждать» (с. 121–122). Похоже, что за самой идеей типологии лежит неявное различие «правильных» и «неправильных» стратегий электорального выбора — осознанность, идеологическая выверенность, устойчивость против случайности и слабой осознанности выбора. Но обсуждать без смеха все-таки есть что. Если рассматривать высокую изменчивость предпочтений как феномен, а не казус, то, наверное, имело бы смысл отложить в сторону оптику SPSS и провести серию интервью, чтобы выйти хоть на какие-то предположения о природе пластичности и о том, как возможно сравнение несравнимого. Благо наличие панели позволяет. А тем более, если уже было сделано наблюдение о большей мобилизованности представителей из групп «случайного выбора» и «фокусированного выбора», где некоторые как раз и метались между «Правым делом» и КППФ. Это-то и должно было насторожить — за видимой аномалией и непонятными «муками выбора» кроется, возможно, какая-то загадка той выборной кампании. Важное достоинство лонгитюдной панели и проведенного анализа в том, что собранные данные указывают на наличие довольно сложной когнитивной работы респондентов по определению своего отношения к выборам, партиям и кандидатам. Вопрос — а как можно добыть дополнительную информацию о природе обнаруженных странностей, уж если мы точно знаем, кто именно из респондентов удивил нас или обманул наши ожидания?

Еще одна особенность авторского текста, с которой хочется поспорить: выводы сформулированы не в жанре социологической аналитики. М. Мамонов пишет: «Перечислим главные факторы, которые сыграли против ЕР, но на В. Путина. Во-первых, В. Путин, объявив о намерении баллотироваться в президенты, дистанцировался от думской кампании и передоверил руководство “Единой России” Д. Медведеву, чем, с одной стороны, ослабил партию, а с другой — снял с себя ответственность за ее слабое выступление 4 декабря» (с. 272). Для меня ожидаемой была бы иная логика: какие выводы мы можем сделать с опорой именно на данные, а не на наши знания *ad hoc*? Не отрицая важности выводов в жанре политической аналитики, мне представляется, что «собирать» и агрегировать обширную эмпирику и «частокол частоток» уместнее было бы «социологическими» обобщениями, а уже над ними надстраивать политологию.

Читателям книги я бы порекомендовал обратить внимание на главу «**Общественное недовольство и его проявления в ходе избирательного цикла 2011–2012 гг.**», написанную Юлией Баскаковой. Текст начинается разделом по методологии изучения политического выбора. Разбираются модели П. Бурдые и Ч. Гилли, привлекаются концепции А. Ухтомского и Д. Узнадзе, рассматривается «воронка

причинности» применительно к процессу принятия электорального решения и т. д. Кроме того, проблематизируются познавательные возможности методик измерения недовольства и эксплицируется логика построения собственного подхода к решению задачи. В итоге создается схема, изысканно названная «механизм классификации общественных настроений» (с. 292). В ней «предусматривается нелинейный переход к протесту, который вовсе не обязательно является логическим следствием накопленного недовольства положением дел и оппозиционности... декларируемый протест может выступать формой привлечения внимания власти к актуальным проблемам и для вполне довольного жизнью лояльного электората» (с. 291–292). Дальнейший анализ данных «электоральной панели» идет согласно логике предъявленной схемы и дополняется изучением характера поддержки оппозиционных партий и движений, особенностей протестного голосования и его географии, абсентеизма как формы протеста, мотивации и опыта участия в протестных акциях.

Работа с данными оказывается очень взвешенной, что позволяет делать тонкие наблюдения. Например, такие: «...за период избирательной кампании 80% респондентов от 3 до 7 раз согласились с утверждением, что дела страны идут в неверном направлении, и только 5% не поддержали его ни разу. Такого рода данные дают некоторую количественную иллюстрацию общего осознания того, что “в стране что-то не так”, и позволяют утверждать, что за общими суждениями скрываются очень разные оценки... С одной стороны, в каждый отдельно взятый момент времени число людей, проявляющих недовольство, относительно невелико [примерно пятая часть-четверть. — *И.К.*]. С другой стороны, не менее 5 раз из 7 возможных общее недовольство выразили 56% опрошенных» (с. 299–301). Аккуратная социологическая аналитика позволяет делать автору обобщения, кажущиеся тривиальными, но *они подтверждены* опросными данными и выкладками. В частности вывод о том, что снижение накала и величины уличных протестов обусловлено целым рядом демобилизующих факторов, что само по себе ничуть «не свидетельствует о снижении объема и глубины накопленного обществом недовольства» (с. 337).

Степан Львов («Тема фальсификаций на выборах 2011–2012 гг.: реальные масштабы и пропагандистский эффект») выбирает для анализа темы несколько фреймов: а) постмодернизма с присущей ему пластичностью смыслов, б) теории мифов и мифологического мышления, в) исследований медиавоздействия как основного элемента социального конструкционизма. Автор формулирует исследовательскую проблему: «Что же делает тему фальсификаций столь чувствительной для общественного мнения, а значит, столь

эффективной в качестве оружия заведомо проигрывающей на выборах стороны?» (с. 347). Содержательное ядро аналитики посвящено «научным оценкам масштабов возможных фальсификаций» — с опорой на разного рода социологические данные (прогнозы поллстеров, экзитполы, «электоральная панель», а также результаты опросов в блогах и социальных сетях). Вывод ожидаем: влияние фальсификаций на итоги выборов не прослеживается, а масштабы возможных фальсификаций не выходят за пределы погрешностей опросов (с. 355). Если же изучать по электоральной панели масштаб административного (и иного аналогичного) давления на избирателей, то и тут рост произошел только в частоте разговоров о давлении или подкупе; с фактами такого рода сталкивались 5% за все время «электоральной биографии» респондента (не ограничивающейся только выборами 2011–2012 гг.). В общем, анализ только подтвердил вывод, сделанный еще до начала аналитических выкладок: «Общественное мнение о честности / нечестности думских выборов 2011 г. всецело зависело от дискурса, сложившегося в СМИ вокруг этой темы» (с. 349).

Есть еще две характерные особенности, на которые нужно обратить внимание. Стилистика текста временами создает впечатление, что авторский фокус смещается с анализа, разбора данных, на публицистику и полемику. «Подлинными творцами и бенефициарами теории фальсификаций стали вожди “несистемной оппозиции”, которые подняли на щит её идеи, до той поры продвигавшиеся только отдельными экспертами и — не очень активно и успешно — “системной” оппозицией, главным образом КПРФ», — читаем вывод на стр. 375. Непонятно, почему автору показалось уместным разместить такого рода пассаж в тексте с социологической аналитикой?

Вторая особенность текста — яркие рассуждения про «общемировую тенденцию к распространению постмодернистского общественного сознания» (с. 347–349). Однако нет ссылок на соответствующие работы, в которых этот феномен как-то операционализировался и фиксировался бы исследованиями. Если таковой процесс есть, наверняка, это свойственно не всему обществу, а каким-то его частям. Каким? И если привязываться к теме фальсификаций: «постмодернистское сознание» каких групп стало участником дискуссий и баталий по проблеме фальсификаций выборов?

Я могу согласиться с утверждением: «Постмодернистское сознание не стремится к объективности, а играет смыслами, идеями, лозунгами, образами, что приводит к утрате смысла и к утрате значения позитивного знания» (с. 348). Если воспринять это как намек на некий индикатор заявленной тенденции, то под него подпадают действия самых разных субъектов — в том числе чиновников, свинчивающих номера с машин в случае аварии; избиркомов, выдающих

липовые протоколы подсчета голосов; г-на Пескова, объяснившего, о чем именно свистели зрители после известного боксерского поединка. Почему тогда не разбирается склонность к постмодернизму всех субъектов, втянутых в дискуссию о фальсификациях, в качестве стимулов к ее развитию? В общем, мое впечатление от текста: для книги, основанной на анализе социологической информации, он выглядит слишком ангажированным и спонтанным в сделанных обобщениях. А это, к сожалению, затрудняет усвоение тех «фактов», которые были установлены автором в ходе анализа данных.

Владимир Петухов в разделе «**Политическая активность и гражданское участие в России: меняющаяся реальность**» высказывает тезис о том, что массовость участия уже нельзя считать критерием зрелости гражданских инициатив (с. 431). Автор описывает некоторые существенные сдвиги в установках россиян. Вот примеры:

1. Фиксируется слабая тенденция к росту *граждански мотивированного* политического участия (с. 434–436).

2. Просматривается *поколенческий сдвиг* в политическом участии. Похоже, что у молодых нет тех барьеров, которые демобилизуют старших россиян; их вовлечение в политическое участие происходит иначе и легче (с. 438). Однако, на мой взгляд, приводимые в статье данные не позволяют уверенно подтвердить эту идею — рост интереса к политике фиксируется во всех возрастных группах (с. 439).

3. Мегаполисы оказываются *локомотивом политического участия* (с. 441). В том числе актуализируются прежде атрофированные формы участия: работа в органах МСУ, в избиркомах, наблюдателем, агитатором и т. п. (с. 443–445). Однако главное отличие столиц — более выраженный оппозиционный настрой (с. 447).

4. Развитие Интернета и социальных сетей производит новые формы политического участия. Несмотря на то, что мобилизационная роль Интернета часто переоценивается, данными фиксируется ряд отличий в политических предпочтениях у завсегдаев сети по сравнению с невовлеченными в нее (с. 451–452).

5. Меняется структура мобилизационного потенциала. Сократилось на 18 п.п. число тех, кто не верит в эффективность протестных действий, и выросла на 8 п.п. доля не опасующихся преследований за свою политическую деятельность (с. 456–459).

С учетом приведенных данных кажется вполне обоснованным вывод автора: «Ключевым направлением современного этапа развития российской демократии является развитие многообразных форм самоорганизации, политического участия, призванных запускать и поддерживать в надлежащем тоне механизм перевода частных, групповых, зачастую трудно сочетаемых друг с другом интересов наших сограждан на язык проблем, значимых для всего общества в

целом... Сам по себе опыт участия (и наблюдения) в массовых политических акциях не прошел даром, он расширил “пространство дозволенного”» (с. 467).

Валерий Федоров в разделе «От плебисцита — к выборам? Выборный цикл 2011–2012 гг. и перспективы эволюции российской политики» развивает тему «плебисцитарной демократии» как концепта, наиболее эвристичного для анализа российских реалий (с. 468–472). Часть компонентов плебисцитарной демократии заимствованы у западных демократий: принцип легитимации (выборы), политический язык, некоторые элементы идеологии. Они дополняются «русской спецификой»: концентрация власти в руках вождя; политическая несущественность, несuverенность парламента; ориентация верховного правителя на «прямую и непосредственную связь» с народом-избирателем; выборы как плебисцит о доверии безальтернативному лидеру, а не сравнение альтернатив, «преимущество власти».

Введя данную концепцию, автор анализирует вызовы и возможности такого политического режима в контексте а) выстроенных механизмов государственного и политического управления, б) изменений в базовых показателях общественного развития (усиление социальной разнородности, рост благополучия, запрос на новые идеи и лица в политике и т. д.). В заключении автор обозначает дальнейший вектор собственных исследовательских интересов — выяснение, имеются ли у плебисцитарной демократии ресурсы для адаптации и выживания, или мы на пороге новых и, возможно, болезненных трансформаций (с. 480)? Вполне достойная задача.

Итак, резюме. Каковы мои общие впечатления от книги? Во-первых, это очень ценный материал для всех интересующихся электоральной социологией. В нашей стране это направление в значительной мере развивается именно публикационными усилиями ВЦИОМа. И сама книга, и возможность прямого доступа к первичным данным предоставляют отменный материал для всех, кто серьезно занимается темой. Во-вторых, и идея «электоральной панели», и успешная реализация проекта вызывают уважение и интерес. Можно только поддержать стремление авторов заявить о своей работе, представить свои результаты методологию для дальнейшего обсуждения.

Большие проекты и коллективная работа, увы, не обходятся без недостатков. Мне думается, что компоновка книги не очень удачная: огромные тексты (по 80 или даже 177 страниц) трудны для изучения. В них рассматриваются вполне самостоятельные темы, которые лучше бы воспринимались в виде отдельных статей. Кроме того, в некоторых местах не проставлены отсылки к размещенным таблицам и диаграммам, что также затрудняет чтение. Другая проблема —

смещение баланса между социологической аналитикой и политологией в пользу последней. В итоге иногда теряется читательская перспектива: мы вместе с авторами изучаем находки, обоснованные эмпирическими данными, или же знакомимся с *авторским видением* (пусть и экспертным) политических процессов и реакций общества?

И все же, какими бы ни были недостатки, книга безусловно заслуживает прочтения теми, кто хочет что-то понять про случившуюся «зону турбулентности» и с пользой по дискутировать на этот счет.

ЛИТЕРАТУРА

1. От плебисцита — к выборам. Как и почему россияне голосовали на выборах 2011–2012 гг. / Под ред. В.В. Федорова. М.: Праксис, 2013.
2. Материалы заседания научного совета ВЦИОМ «Истинные причины и механизмы зимне-весеннего протестного движения и перспективы его продолжения на новом этапе» (стенограмма) // Мониторинг общественного мнения. 2012. № 3 (109).